

Владимир Миронов

*Событие: Бог мертв, или
Прорыв по ту сторону сознания.
Подорога и Ницше*

Валерий Подорога по праву считается основателем оригинального направления в новейшей русской философии – аналитической антропологии. Я полагаю, что среди мыслителей, оказавших наибольшее влияние на становление аналитической антропологии и в целом на творчество В. Подороги, выделяется Ф. Ницше. По сути, первым в (пост)советской философии Подорога осознает тот радикальный разрыв традиции, который принесло с собой ницшеанство: «Мышление Ницше – скандал в философии, геростратова слава волочится за ним, как шлейф. ...кто может сравниться с Ницше в нарушении множества запретов и правил, которыми была очерчена территория мысли в классической философской традиции...?»¹

Ницше является непосредственным предтечей Фрейда (второй фигуры, по-видимому, оказавшей значительное влияние на Подорогу). Однако в истории мысли трудно отыскать двух столь близких, но при этом противоположных друг другу мыслителей: если целью Фрейда является полное вытеснение бессознательного

и осознание всей психической жизни (там, где есть «оно», должно стать «я»), то цель Ницше диаметрально противоположна. Эту цель Подорога определяет так: «... не сознание жизни, а жизнь по ту сторону сознания, в той несоизмеримой полноте своего присутствия, которая не поддается удержанию в процедурах рефлексии, образах или схемах и увлекает... всех причастных... в такие мутационные потоки, которые пересекают границы человеческого, и там больше не отыскать ни имени, ни знаков человека»².

В этом споре между Ницше и Фрейдом³ Подорога играет роль арбитра. Кажется, вся человеческая история на стороне Фрейда: ее прогресс по сути равнозначен росту осознания как внутренней, так и всей общественной жизни человека. Именно так понимает Фрейд санацию человеческой психики, которая должна увенчаться избавлением от неврозов. Ницше же объявляет своим врагом всю человеческую историю и предлагает провокационную стратегию «борьбы с сознанием», цель которой – иной способ «мыслить и представлять сознание». Ибо, с его точки зрения, сознание есть наш видовой изъян, и никакая деятельность не может быть совершенной, если она осознается. Ведь процесс деятельности должен быть «прерван для осознания». Ницше идет еще дальше: «...он пытается выявить смысл сознания в терминах безумия». Его экстремальные эксперименты с собственным сознанием ввергли самого экспериментатора в подлинное безумие, которое М. Фуко (третий мыслитель, оказавший влияние на Подорогу) определяет как «абсолютное знание»⁴. «И тогда выздороветь – это суметь наделить безумие его собственным языком, иначе говоря, заставить пройти сквозь символические фильтры, в которых оно утратит свою тираническую энергию»⁵.

Как язык, так и сознание сформировались исключительно в целях общения и представляют собой один из главных инстру-

¹ Подорога В. Мир без сознания (проблема телесности в философии Ф. Ницше). – В кн.: Проблема сознания в современной западной философии. М.: «Наука», 1989, с. 15.

² Там же.

³ Известно, что Фрейд избегал чтения Ницше, опасаясь его чрезмерного воздействия на свое учение.

⁴ Там же, с. 16 (см. также М. Фуко).

⁵ Там же, с. 28.

ментов процесса сохранения рода. Ницше доказывает, что наше «я» чудовищно искажает реальную жизнь с единственной целью подчинения ее императивам совместного выживания. Тем самым и язык и сознание оказываются самыми эффективными средствами контроля индивида со стороны коллектива. Р. Барт впоследствии квалифицирует их как «орудие фашистского тоталитаризма».

Ницше объявляет настоящую войну сознанию: «Как может это обрывистое, избирательное, “атомарное” отражение, возникающее в актах самосознания, служить неоспоримым свидетельством существования мира и единства “я”?»⁶ На повестку дня выдвигается грандиозная задача слома всего старого метафизического категориального аппарата и, прежде всего, деконструкция понятия субъекта.

Для этого Ницше, по мнению Подороги, предлагает видеть в сознании «единственный уникальный текст»: «...текст сознания выступает всегда в качестве знаково организованного текста»⁷. Таким базовым, матричным текстом является текст о Боге.

Но «если бог действительно “умер”, то начало коммуникативного действия уже не может опираться на такую структуру симпатического общения, какой является “я–ты–отношение”. <...> Место бога (этого “ты”, которое открывается взгляду в иконном изображении с его бесконечным слоением духовных знаков) занимает лик чужого, знаменующего собой наступление эпохи нигилизма»⁸.

Смерть Бога, явленная Ницше скорее как художественный образ, подвергается Подорогой строгой концептуализации. Он продумывает смерть Бога, это космическое событие, до самых предельных философских последствий. Подорога указывает, что первым предложил видеть в смерти Бога повод для смеха Мишель Фуко: «... только смех позволит дальше жить тому, кто начинает понимать все ее последствия. Ницше, вероятно, один из самых веселых мыслителей в философском календаре. ... смех, о котором заявляет Ницше, это смех, которым невозможно смеяться, его на-

⁶ Там же, с. 16.

⁷ Там же, с. 17.

⁸ Там же, с. 29.

значение иное: он должен изгнать из мира всю его “серьезность”»⁹. По сути, умерло существо, над которым абсолютно нельзя смеяться. Ибо «раз “Бог мертв”... то никакая трагедийная серьезность... больше не имеет власти над Жизнью, которая впервые становится свободной от Бога»¹⁰.

Смерть Бога – первый шаг к прорыву за пределы метафизики. Однако, по Хайдеггеру, Ницше не преодолевает метафизику, поскольку не вырывается за пределы ценностного мышления. Лавры преодоления метафизики Хайдеггер оставляет себе, ибо только в его философии бытие обрело прямую, ничем не опосредованную речь. Однако Подорога говорит о философствовании Ницше как «антиметафизическом». Призыв Ницше к «переоценке всех ценностей» несравненно более глубок: он, по сути, ставит задачу в принципе отказаться от какого бы то ни было оценивания. Ведь Бог и был высшей ценностью, олицетворяя добро, красоту и истину. По Ницше, метафизика будет преодолена тогда, когда исчезнут последние следы Бога: «Ницше нам говорит... что пока существуют такие высказывания, как “Бог мертв”, существует и метафизика, то есть существует в самой метафизике всегда место “изгнанного”, “убитого” или отсутствующего Бога»¹¹. Итак, наше преодоление метафизики не может быть окончательным, пока в нашем сознании существуют следы Бога и его наместника на земле – субъекта. Иначе говоря, по мнению Подороги, чтобы не произошло метафизического рецидива, смерть Бога не должна стать событием.

Метафизика, которая нам довлеет, неразрывно связана с ужасом бытия, эмоционально переживаемого нами как страх. Моральный Бог всех осевых религий был рожден из страха и стал смиренной рубашкой, сковывающей жизнь. Этот Бог был ее высшим принципом, структурирующим весь жизненный поток.

⁹ Подорога В. Событие: Бог мертв. Фуко и Ницше. <http://www.screen.ru/vadvad/komm/podoroga.htm>.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Бог отнял у жизни ее спонтанную целостность, ее неосознаваемую безграничность. Бог сделал жизнь серьезной, поставив Смерть надзирательницей над жизнью. Смерть изгнала из жизни смех: «Запрет на смех кажется безусловным достижением христианизированной культуры». Ведь именно смерть и страх смерти делают нас моральными: мы боимся наказания за любой ущерб, причиняемый нами другому, мы должны быть разумными. «...но именно тогда, когда язык впервые рискует соединить несоединимое: Бога и его “смерть” <...> именно в этой бессмысленности соединения... мы явственно слышим первые приступы смеха, накатывающиеся на Ницше всякий раз, как только он начинает говорить о смерти Бога»¹².

Отныне жизнь освобождается от смерти, ибо Бог был ложно объявлен жизнью. Бог был на самом деле смерть. Ведь Бог родился из специфического состояния ressentimentа и страха, и этот страх вот уже 25 веков отпечатан в структурах нашей психики. По сути, Ницше хохочет от того, что присутствует на похоронах смерти. Смерть смерти открывает врата к сверхчеловечеству. Смерть и страх смерти (так называемый страх божий) элиминируются из человеческой психики. Грядущий сверхчеловек – тот, кто не боится смерти, тот, кто ежемгновенно к ней готов.

Устранение смерти дает Ницше основание поставить перед человечеством совершенно грандиозную задачу – изгнать из человеческой психики все отрицательные эмоции: страх, ненависть, мстительность, тоску, тревогу... Не является ли наше сознание в конце концов способностью переживать лишь негативные эмоции? Ведь мы можем почувствовать зубную боль, только когда у нас болят зубы... Ницше распахивает перспективы другой моралью, построенной не на страхе и ressentimentе, а на мужестве и воле. Именно страх и ressentiment структурируют нашу психику как разум. Исчезновение же страха погранично безумию: «Некое непрерывное, почти фоновое бормотание вещей и объектов Мира, “шепот”, о котором напоминает нам Фуко, когда исследу-

¹² Там же.

ет исключенные из рациональных грамматик, подавленные, как бы рассыпанные на обломки языки безумия»¹³. Смерть Бога открывает королевскую дорогу к безумию. Вместо смерти – безумие? И правда, человек, лишенный страха смерти, воистину безумен для других!

Мишель Фуко полагал, что своим безумием Ницше адресовал нам какое-то сверхзашифрованное и утраченное послание, которое мы принуждены непременно разгадывать.

... На конференции «Современные медиа: теория, история, практика», состоявшейся в конце мая 2006 года, выступая с докладом, В. Подорога сказал, что Событие смерти Бога закрывает время.

По сути, после смерти Бога Ницше предлагает перестать говорить о событии. Событий больше нет. Время расчищено от Событий. Время – открытое море.

¹³ Там же.